Митрополит Волоколамский Иларион: Задачу по оздоровлению общества мы можем решить только общими усилиями

13 октября 2012 года, в канун праздника Покрова Пресвятой Богородицы, когда Русская Православная Церковь проводит благотворительную акцию "День милосердия и сострадания ко всем, в узах и темницах находящимся", гостем передачи "Церковь и мир" с митрополитом Иларионом, выходящей на телеканале "Россия-24", был заместитель директора ФСИН России действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 2 класса Алексей Михайлович Величко.

Митрополит Иларион: Дорогие братья и сестры, в эфире телепередача «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о роли религии в жизни заключенных, и у меня в гостях доктор юридических наук, заместитель директора Федеральной службы исполнения наказаний Алексей Величко. Здравствуйте, Алексей Михайлович!

А. М. Величко: Добрый день, Владыка. Хотел бы задать Вам вопрос, может быть один из неприятных, но тем не менее. Статистика последних десяти-пятнадцати лет, к сожалению, позволяет констатировать тот не очень приятный для нас вывод, что преступность не только омолаживается, но и все более и более смещается в разряд тяжких и особо тяжких деяний: убийства, тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть, разбой, грабеж, наркотики, половые преступления. И, тем не менее, мы знаем, что в то же самое время наблюдается бурное развитие духовного окормления пенитенциарных учреждений со стороны религиозных организаций и, в первую очередь, Русской Православной Церкви. Но факт остается фактом: наше общество становится все более криминализированным. На Ваш взгляд, чем обусловлено такое положение дел?

Митрополит Иларион: Я думаю, что оба этих процесса нельзя увязывать друг с другом напрямую. Во-первых, если бы не было работы Церкви, то все обстояло бы еще хуже. Во-вторых, в последние двадцать лет мы переживаем период колоссальной социальной ломки, которой в нашей истории не было по крайней мере семьдесят лет. Был послереволюционный период, когда все крушилось и ломалось, и был период после распада Советского Союза, - этот период еще не закончился. Люди оказались в совершенно иной ситуации: раньше действовали жесткие законы, а потом в какой-то момент оказалось, что законы эти больше не действуют, – и некоторые люди почувствовали полную безнаказанность. В особенности это относится к тем, кто склонен к совершению преступлений. Свою роль сыграла и экономическая ситуация – особенно в начале 90-х: многих она как бы подвигала на совершение преступлений. Безусловно, Церковь играла и

продолжает играть определенную сдерживающую роль в этой ситуации, но она не может взять на себя в полной мере задачу по оздоровлению общества, потому что эту задачу мы можем решить только совместными усилиями.

Достаточно сказать, например, о влиянии некоторых средств массовой информации. Вы говорите об омоложении преступности. А где у нашей молодежи положительные герои? Где на экране телевизора те, как говорят американцы, ролевые модели, на которые могут ориентироваться молодые люди? Более того, тюремный язык, так называемая «феня», стал сегодня частью нашей обыденной жизни. Недавно один священник, который служит в тюрьме, принес мне словарь «фени», который он сам для себя составил. Так вот, он рассказал мне, что половина выражений из этого лексикона употребляются в реальной жизни, многие звучат на экране телевизора.

А.М. Величко: Владыка, хотел бы вынести на Ваш суд одно мое наблюдение. У нас в духовном окормлении пенитенциарных учреждений наблюдается старая российская парадигма: замечательные индивидуальные подвиги и полное отсутствие системной работы. Более того, что меня, например, удручает – это абсолютная незащищенность, и правовая, и социальная, тех священнослужителей, которые работают в исправительных учреждениях. Приведу пример, на который я уже многократно ссылался: протоиерей Алексий Вострик из Воронежской митрополии за восемь лет общения с заключенными, многие из которых ВИЧ-инфицированы, страдают туберкулезом или психическими заболеваниями, получил тяжелую форму гепатита-В. Однако в связи с этим он не имеет никаких медицинских привилегий и вынужден лечиться в домашних условиях. Или давайте вспомним протоиерея Георгия из Ярославской митрополии, который окормляет два наших учреждения, одно из которых – туберкулезная больница для осужденных. У сотрудников ФСИН есть льгота – год службы приравнивается к четырем годам трудового стажа, а у него таких льгот нет. Он как получал то скудное обеспечение, которое имеет священник на своем приходе, так и получает. Разве это нормально?

Митрополит Иларион: Это совершенно не нормально. Но я думаю, что в таких случаях об этих людях должно позаботиться государство. Человек, который, будучи священником, несет значимое социальное служение, должен получать социальные льготы.

А. М. Величко: Здесь я не соглашусь с вами, Владыка: мне кажется, что инициатива должна принадлежать священноначалию Русской Православной Церкви, потому что речь идет о лицах, которые, переходя на юридический язык, являются его постоянными работниками. И, конечно же, священноначалие должно в первую очередь заботиться о них, чтобы обеспечить и социальный статус своих сотрудников, и те права, которые в настоящее время никак не оговорены и ничем не определены.

Митрополит Иларион: Если говорить о Церкви, то у нее существует своя система, которая сильно отличается от той системы, которая существует в ваших учреждениях. Вы говорите, в ФСИН год засчитывается за четыре, и, соответственно, человек может, проработав десять-пятнадцать лет, в сорок лет выйти на пенсию. Но если у нас какому-нибудь священнику скажешь: «Ты послужишь пятнадцать лет и потом выйдешь на пенсию», - то он этого никогда не захочет, потому что у нас все священники и все архиереи мечтают о том, чтобы служить до конца жизни и умереть у престола. Эта простая иллюстрация показывает, что некоторые законы, который существуют в обычной жизни, у нас не работают. У нас есть система церковных наград: священники получают камилавки, кресты с украшениями, митры – но разве это можно сопоставить с тем подвижническим трудом, который несет священник, из года в год или даже из десятилетия в десятилетие, окормляя заключенных? Нет такой награды, которая могла бы компенсировать этот труд. Мы всегда говорим, что человек, который полагает свою душу за друзей своих (Ин. 15,13), получит награду от Бога, получит ее в будущей жизни.

А.М. Величко: Да, конечно. Но что касается материального обеспечения клириков, которые работают в наших учреждениях, я бы высказал несколько иную точку зрения. У нас сегодня священники окормляют пенитенциарное учреждение в качестве послушания от владыки наряду со своей обычной приходской деятельностью. Они разрываются на несколько частей, но зачем столько послушаний, если они физически не в состоянии их выполнить? Давайте, во-первых, определим приоритеты. Во-вторых, определим направление главного удара, нагрузку и средства, которые необходимы священнику.

Митрополит Иларион: В принципе, я согласен с Вашим анализом, но я думаю, что эта тема должна стать предметом наших переговоров с вашими учреждениями. Нужно понять, где заканчивается наша ответственность и где начинается ответственность ваша. С одной стороны, я считаю неправильным, чтобы, например, священнослужитель превращался просто в тюремного работника, получал бы жалованье от пенитенциарных учреждений – в этом случае у него не будет авторитета среди той паствы, каковой являются заключенные. Он должен приходить именно по своей воле, он должен приносить людям свет Христовой веры, приносить им радость, и люди должны понимать, что он приходит к ним во имя Божественной любви, а не ради жалованья.

А.М. Величко: Полностью с Вами согласен.

Митрополит Иларион: Конечно, архиерей должен поощрять таких священнослужителей. Это не должно восприниматься просто как хобби: «Закончил дела на приходе – если осталось время, сходи еще и в тюрьму». В этом смысле у нас должны быть тюремные священнослужители, то есть те, для которых окормление заключенных является их основным послушанием.

А.М. Величко: Владыка, позвольте затронуть еще одну не самую приятную перспективу. Как показывает статистика, почти 76% мужчин (все-таки они доминируют в местах не столь отдаленных) полагают себя принадлежащими Русской Православной Церкви. Но, тем не менее, почти 50% преступлений совершаются ими по выходе на свободу повторно в течение года, порядка 30% – на второй год после освобождения и 15% – на третий. Динамика, как видите, – затухающая. Тем не менее, я знаю из рассказов священников, с которыми встречался, что даже их помощники из числа осужденных, которые активно помогали им в духовном окормлении остальных осужденных, по выходе на свободу срываются.

Митрополит Иларион: Мы не можем все это списать на недостаток пастырского окормления. Когда человек попадает в тюрьму, это уже крайняя степень безнравственности: преступление – это уже последний этап в длительном пути развития человеческой личности, когда эта личность развивается не в ту сторону. А преступный мир, в который попадает человек, преступив закон, подобен черной дыре – он засасывает людей, и из этого мира очень трудно выбраться. Обратимся к самой идее системы исправительных учреждений: давайте скажем прямо, что она не функционирует как исправительная – люди в тюрьме не исправляются. Более того: очень многие молодые люди, даже подростки, которые совершают свое первое преступление по неосторожности, по глупости, по случайному стечению обстоятельств, оказываясь в преступном мире, после нескольких лет тюрьмы становятся уже закоренелыми преступниками, потому что они усваивают тот понятийный аппарат, которым живет преступный мир, тот сленг, на котором этот преступный мир общается. А через средства массовой информации они не получили в свое время никакого противоядия – потому что СМИ героизируют преступный мир. Церковь, конечно, работает против этого. Мы для того приходим к заключенным, чтобы помогать им из этих сетей выпутаться, но эти сети очень прочно держат человека. К сожалению, влияние Церкви во многих случаях оказывается недостаточным.

А.М. Величко: К сожалению, вынужден с вами согласиться. Уточню один тезис: малолетние ребята, которые попадают в наши воспитательные колонии, не усваивают там сленг этого преступного мира, они приносят уже свой, то есть они уже на воле прекрасно владеют «феней», они уже прекрасно знают, что такое «западло», что такое «авторитет», как выжить. Очень важно, чтобы они усваивали не только некий перечень общеобразовательных предметов, которые позволили бы из дикаря сделать что-то похожее на человека, но в первую очередь пробуждали надежду, – ведь в малолетнем возрасте они все-таки ничего не понимают. Жизнь бесконечна. Как вы правильно говорите, некие поступки героизированы совершенно напрасно. Им свойственен юношеский категоризм, но, в то же время, беззащитность неокрепшей души перед тем злом, с которым она сталкивается.

Митрополит Иларион: Приходя в тюрьму, священник ставит своей целью принести надежду,

дать заключенным шанс на исправление. У нас в Церкви действует механизм исповеди. Я говорю «механизм», потому что, к сожалению, это не относится только к тюремному сообществу, но и к нашей обычной пастырской ситуации: люди приходят на исповедь с одними и теми же грехами, то есть человек исповедовался в этих грехах, священник дал ему какое-то наставление, отпустил грехи, а спустя неделю или месяц он приходит и называет те же самые грехи, и так происходит из года в год. Что это означает? Я бы сравнил это с соматическими заболеваниями: человек приходит к врачу с одной и той же болезнью, врач его чем-то лечит, иногда более, иногда менее успешно, но болезнь остается. Редко удается людям полностью вылечиться от какой-то серьезной хронической болезни. К сожалению, те явления, которые мы наблюдаем в преступном мире, - это как раз глубоко укоренившиеся болезни или даже множество недугов в одном человеке. Мы пытаемся лечить их по-своему, вы – по-своему, но эти болезни все равно остаются, они все равно дают рецидивы и, конечно, чем больше времени проводит человек в криминальной среде, чем больше укореняются в нем ее «понятия», тем крепче он срастается с этими недугами, которые становятся как бы его плотью и кровью. Поэтому, к сожалению, когда такой человек выходит на свободу, ему трудно вернуться в нормальное общество, трудно снова говорить на нормальном человеческом языке и он очень быстро находит себе подобных. Мы должны помогать людям, вышедшим из тюрьмы, не попасть туда обратно, помогать им социализироваться, вернуться в обычный мир. Мы также должны заниматься и профилактикой преступлений, то есть работать с теми людьми, которые находятся на свободе, чтобы они не дошли до совершения преступлений. Это наша общая задача – задача всего общества. Конечно, Церковь участвует в решении этой задачи, но она не может быть решена только силами Церкви.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/53593/